

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

Стихотворения

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*
Фотография на обложке:
Анатолий Гаранин / РИА Новости

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*
Фотография на корешке: *Николай Демчук*

Высоцкий, Владимир Семенович.
В93 Охота на волков. Стихотворения / Владимир Высоцкий. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-92277-2 (Pocket book)
ISBN 978-5-699-92278-9 (100 главных книг)

Владимир Высоцкий считал литературный труд главным делом своей жизни: «...песни требуют колоссальной отделки и шлифовки...», они для поэта — «...никакое не хобби, нет!», однако при жизни стихотворения и песни Высоцкого не были печатными, несмотря на то что в них изначально заложен эталон подлинных человеческих отношений, настоящих чувств, истинной любви к своей стране, четкое осознание нравственных границ. Ирония Высоцкого, неумение подстраиваться под общее мнение, способность увидеть мир глазами людей из самых разных социальных слоев, особенная созидательная наполненность его творчества делают стихотворения и песни поэта живыми, востребованными и в настоящее время. Ведь в них говорится о главном: о любви к своей земле, к женщине, о дружбе.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-92277-2
ISBN 978-5-699-92278-9

© Высоцкий В.С., наследники, 2016
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2016

ПЕСНИ

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Лешы
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней, твоя — татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у *скóкарей*,
Свой человек — у *щипачей*, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, *ссучился* —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал покойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебешком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь дó фи́га
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,

В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

1961

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ЛЕЖИТ КАМЕНЬ В СТЕПИ

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,

А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.
    Был один из них зол —
    Он направо пошел,
    В одиночку пошел, —
    Ничего не нашел —
    Ни деревни, ни сел, —
    И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья
    И, подобравши подол,
    Напрямую пошел, —
    Сколько он ни бродил —
    Никуда не добрел, —
    Он вернулся и пил,
    Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
    Долго ль, коротко ль шагал
    И совсем не страдал,
    Пил, гулял и отдыхал,
    Ничего не понимал, —
    Ничего не понимал,
    Так всю жизнь и прошагал —
    И не сгинул, и не пропал.

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.

Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права, —
Можно лишь — от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны — про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки»...

1964

АНТИСЕМИТЫ

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я — и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен — чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкóльна?

Средь них — пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них — уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо — они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи — живут там как боги...
На всё я готов — на разбой и насилие, —
И бью я жидов — и спасаю Россию!

1964

ПЕСНЯ ПРО УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу — читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора*, когда приходят брать.

1964

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
На Арбате — здесь бы так! —
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».